

ДИАНА

МАШКОВА

САНИЯ

ИСПЕРГЕНОВА

Я-САНИЯ

история сироты

Диана Машкова

Я – Сания: история сироты

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Машкова Д. В.

Я – Сания: история сироты / Д. В. Машкова — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105105-1

У них нет собственных ИМЕН – их называют «Все-встали», «Все-вышли», «Идите-сюда», а слово «мама» для них – ПУСТОЙ набор звуков. Они не плачут, потому что слезы не вызовут сочувствия, а повлекут за собой наказание. Они боятся прикосновений и не умеют раскрываться навстречу людям. Перед вами подлинная исповедь сироты Сании Испергеновой. Реальная история жизни в доме ребенка и детском доме. История, способная изменить к лучшему вашу жизнь и жизни тысяч детей, оказавшихся без родительской любви.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105105-1

© Машкова Д. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие автора	6
Благодарности	9
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Диана Машкова
Я – Сания: история сироты

© Машкова Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Предисловие автора

Нарушение привязанности

Отношения матери и ребенка, самые древние и надежные, существовали в неизменном виде миллионы лет. Полное единение до момента появления младенца на свет – один организм, одна пища, одни переживания на двоих. Болезненное разделение в родах и после – новое слияние: младенец на груди матери. Он слышит стук родного сердца, узнает любимый голос, ощущает кожей ее кожу и видит самое драгоценное в мире лицо. Первый год малыш проводит у мамы на руках – до тех пор, пока не начинает ходить. Еще три-четыре года неотступно следует за ней, набираясь опыта и самостоятельности. На уровне инстинктов ребенок знает, что от матери зависит его жизнь. Безопасность, пища, тепло, ласка, любовь – все это она. Новорожденному нет дела до того, что происходит в мире, какие племена и народы воюют между собой, какие государства возникают и распадаются. Мама – центр его вселенной. Она защищает от хищного зверя и злого человека, согревает собственным телом и питает им, утешает в боли и усталости. Она навсегда остается его первой связью с внешним миром.

Мать способна быть источником жизни для младенца благодаря отцу, который оберегает их с малышом как единое целое в первые годы. Он и после, когда ребенок подрастет, продолжает добывать пищу, изгонять врагов – заботиться о семье.

Однако мир неузнаваемо изменилось в середине прошлого века. Рабочие руки – женские – вдруг понадобились не только детям и дому. «Начиная со времен Второй мировой войны и далее, с ускорением в 1960 гг., – пишет всемирно известный психолог и терапевт Нильс Питер Рюгаард в своей книге «Дети с нарушением привязанности», – мы предприняли самый масштабный социальный эксперимент, который когда-либо проводился в западном мире: матери детей младшего и дошкольного возраста пошли работать вне дома, отлучившись от своих малышей... Условия обучения тому, как становиться человеком, посредством отношений в период раннего детства были перевернуты с ног на голову. На сегодняшний день мы, вероятно, являемся единственным видом млекопитающих, у которого мать и младенец не остаются неразлучными в течение по крайней мере первых двух-трех лет с момента рождения».

Естественный ход событий оказался непоправимо нарушен. В роддомах новорожденных начали отделять от матерей сразу после появления на свет, якобы давая роженице время для восстановления, а на самом деле травмируя обоих и порождая у женщин тревожность, неуверенность и чувство вины. В Советском Союзе малышей стали отдавать в ясли с четырех месяцев, а иногда и раньше, отрывая от матерей вопреки жизненно важным потребностям в грудном вскармливании, ласке, тактильном контакте и любви. Появились детские сады-пятидневки, которые позволяли родителям работать, устраивать личную жизнь и зарабатывать деньги, а детей обрекали на тяжелые переживания утраты и боли разлуки. Депривация, неизбежный спутник сирот в государственных учреждениях, внезапно коснулась семейных детей. Родителям запрещали брать младенцев на руки, чтобы «не привыкали», предписывали кормить их по часам, а не по требованию, не позволяли матерям находиться с маленькими детьми в больницах и прочих «оздоровительных» учреждениях. Многие из нас, сегодняшних взрослых, стали жертвами этих необдуманных действий.

Разлучение матери и ребенка, с одной стороны, повышало благосостояние государства и семьи, а с другой – планомерно разрушало благополучие последней. С выходом женщин на работу резко увеличилось число разводов. Отцы, отделенные новой системой жизни от собственных детей – отстранение от родов, отсутствие отношений с ребенком, потеря роли защитника и кормильца, – перестали видеть свои задачи. Женщины научились обходиться без них. Параллельно произошел распад «большой семьи». Молодые матери лишились поддержки не

только отцов своих детей, но и многочисленных родственников – бабушек и дедушек, мам и пап, младших братьев и сестер. Семья перестала жить одним домом, распределившись по квартирам-ячейкам. Неадекватные нагрузки на работающую в двух-трех местах одинокую (иногда даже при наличии мужа) мать стали приводить к необратимым последствиям. На сцену явилась так называемая «отсутствующая мать» – морально и физически истощенная женщина, которая не в состоянии обеспечить теплого эмоционального контакта со своими детьми. И тогда малыши стали «луковым горем», «наказаньем», «тяжким крестом»...

Примерно у половины нынешних взрослых людей (ученые называют цифру 45 %) в детстве была «ненадежная привязанность» с родителями. Как следствие, они столкнулись с проблемами со здоровьем, отношениями, жизнестойкостью, целеполаганием или уверенностью в своем будущем. Но это еще полбеды. Вторая, самая увесистая ее половина состоит в том, что люди, лишенные «надежной привязанности» в младенчестве, как правило, неосознанно воспроизводят нарушенную модель и в собственной семье, со своими детьми. И таким образом передают сбитый код отношений из поколения в поколение.

Можно ли скорректировать последствия нарушений привязанности ради собственного будущего, ради своих детей и внуков? Если понять, что именно происходит, и задаться такой целью, то чаще всего можно. Описанные в научной и публицистической литературе результаты усилий психологов и психотерапевтов доказывают возможность перемен к лучшему в большинстве случаев (см. Брюс Перри «Мальчик, которого растили как собаку»). Реальные истории детей, подопечных нашего фонда «Арифметика добра» и многих других благотворительных организаций, также нередко подтверждают это.

Жизнь Сании – яркий пример одной из таких историй.

Мы познакомились в 2015 году. Сания к тому времени уже окончила колледж, поступила в вуз и мечтала о карьере художницы. Я тогда, помимо прочего, занималась в «Арифметике добра» семейным устройством подростков-сирот и часто приезжала в детские дома, была знакома со многими воспитанниками. Мы с мужем после тщательной подготовки и сами приняли в семью двоих ребят – Дашу 12 лет и Гошу 16 лет. Так что иллюзий о детях без родителей у меня уже не было: большинство подростков в учреждениях чувствовали себя потерянными. Лишенные семьи, они не могли учиться, не были приучены к труду, не видели своего будущего, боялись самостоятельности и не знали реалий жизни. Зато нередко изобретали такие способы времяпровождения, что попадали в самые опасные ситуации, а порой и оказывались на скамье подсудимых...

Сания оказалась совсем другой. С первых минут общения она меня потрясла. Разумная, целеустремленная, ответственная, трудолюбивая, талантливая. Каким чудом она сумела развить в себе эти качества? Как умудрилась воспитать цельную личность внутри системы, которая разрушала одного за другим ее товарищей по несчастью? Это стало для меня настоящей загадкой. Потрясающе красивая девушка, которую я видела перед собой, не производила впечатления человека, выросшего под надзором чужих людей, без любви матери и отца. Выдавали ее только крайнее смущение и страх перед незнакомыми людьми: она словно пыталась спрятаться, стать невидимкой. «Почему такую чудесную девочку никто не удочерил? – гадала я. – Как вышло, что мы не встретились раньше?»

Эти вопросы не давали мне покоя несколько лет подряд. Ответы появились, только когда я в деталях узнала историю Сании. Она приехала погостить к нам на дачу – работала там над картиной, и тогда состоялся наконец откровенный разговор, которого я долго ждала. Все, что я узнала от Сании, стало важным ключом к пониманию детства. Ее история помогла разобраться во многих сложных вещах – скрытых чувствах и тайных мыслях детей, их невысказанных ожиданиях и боли, которую им приходится пережить.

Речь в книге пойдет не о легкой форме нарушений, которые могли бы возникнуть даже в семье, а о тяжелом расстройстве у ребенка, оставленного матерью сразу после рождения.

Именно поэтому проявления депривации предстанут в гротескной форме, а каждая реальная ситуация покажется чрезмерной – такое могло происходить только с младенцем, брошенным своими взрослыми. Но ценность истории Сании в том, что она поможет каждому читателю заглянуть вглубь себя; погрузиться в суть отношений с собственными родителями и детьми.

Несмотря на всю тяжесть обстоятельств своего появления на свет, Сания во многом сумела их преодолеть. Ее откровенный рассказ доказывает: человек способен изменить свое будущее. Главное, не опускать руки и искать в жизни опору.

Отношения со взрослыми – как раз тот фундамент, на котором строится вся жизнь ребенка: происходит его развитие, раскрываются таланты, формируется физическое и психическое здоровье. Первые годы материнства – священны. Ни предрассудки, ни финансовые проблемы, ни отсутствие понимания со стороны близких не должны разлучить или отдалить друг от друга самых родных людей. Каждый младенец имеет право на любящих родителей. Каждый новорожденный приходит в этот мир не один, а с помощью матери и отца. Важно сделать все возможное и невозможное для того, чтобы он от них не отделился, чтобы не потерял.

Благодарности

Глубокая благодарность фонду Елены и Геннадия Тимченко за финансовую поддержку в издании благотворительного тиража книги «Я – Сания. История сироты», который будет доступен кандидатам в усыновители, приемным родителям и специалистам сферы семейного устройства детей-сирот. Также выражаем признательность за разработку и реализацию в России проекта «Голос ребенка», направленного в том числе на распространение реальных историй сирот, рассказанных от первого лица.

От всего сердца благодарю глубокоуважаемого основателя и директора литературного агентства и школы «Флобериум», своего любимого редактора и лучшего друга Ольгу Аминову за двенадцатилетнее сотрудничество, веру, человеколюбие и непревзойденный профессионализм. Вклад Ольги в создание книги Сании бесценен; ее уверенность в том, что реальные истории сирот увеличат число людей, готовых изменить судьбы брошенных детей к лучшему, служит для меня путеводной звездой.

Огромное спасибо основателю фонда «Арифметика добра», усыновителю, отцу 23 детей Роману Авдееву за создание мощного ресурса поддержки сирот и принимающих их семей. Сегодня в фонде работает Школа приемных родителей и Школа наставников; действует крупнейший в России Клуб приемных семей и Консультационный центр, которые оказывают разностороннюю помощь усыновителям и опекунам. Много делается для повышения уровня образования и социализации ребят, которые пока еще живут в детских домах. Большое внимание уделяется просвещению общества. Благодарим председателя правления фонда Наилу Новожилову за глубокую вовлеченность в дело и мудрость в решении самых сложных задач. Низкий поклон дорогим коллегам, штатным и внештатным сотрудникам благотворительного фонда «Арифметика добра», за самоотверженный и круглосуточный труд. Наши усилия уже привели к тому, что более 400 детей-сирот за пять лет работы фонда обрели семьи.

Спасибо моей чудесной семье за понимание и поддержку. Если бы не мои родители, я бы не стала той, кем являюсь. Если бы не мои четверо детей, у меня бы не было настолько интересной жизни и вечного стимула к развитию. Без своего любимого мужа Дениса Салтеева, с которым мы в браке уже 23 года, я не могу представить своей жизни.

Я благодарю Санию Испергенову за откровенность и прекрасный пример того, как человек меняет свою жизнь к лучшему вопреки обстоятельствам. Мое восхищение Саней не знает границ. Я до сих пор жалею о том, что у нас с мужем не было шанса ее удочерить, хотя уже понимаю, что это было бы невозможно.

Низкий поклон всем, кто по долгу службы или по зову сердца помогает сиротам находить в жизни опору. Всем, кто готов принять простые истины – каждому ребенку нужна семья; всем людям необходимы надежная привязанность и любовь.

*Диана Машкова, писатель, к.ф.н., руководитель программы «Просвещение»
благотворительного фонда «Арифметика добра»*

Глава 1

Ночь

В железных клетках-кроватках, расставленных вдоль и поперек стен, лежали малыши. Они укачивали себя сами – ритмично перекачивались из стороны в сторону в заунывном зловещем танце. Маленькие лысые головы метались в диком равнении то влево, то вправо. В молчании. И только сетки кроватей скрипели в такт движениям – «крик-крик, крик-крик». Вдруг один из потолочных светильников застрекотал. «Тссссс, – взмолилась я про себя, плотно сжимая губы, – только молчите!» Но было поздно.

– Аааааа! – закричали младенцы от страха. – Аааааа!

Дверь тут же распахнулась, и в комнату, грохнув железным ведром о дверной косяк, ввалилась ночная воспитательница. Толстые ноги, мясистый зад. Самая злая. Сквозняк, смешавшись со страхом, словно пикой пронзил от макушки до пят.

– Таааак, – она встала у моей кроватки и обвела взглядом детей, – чего орем?!

Я услышала тишину, почувствовала, как малыши сжались в комочки и закрыли глаза. Сама тоже на секунду зажмурилась, но потом вспомнила, что я – под кроваткой, значит, меня не видно. Продавленная железная сетка впечатывала ромбы в мою синюшную, покрытую мурашками от жуткого холода кожу. На мне не было одежды. Воспитательница швырнула чистое белье на мой пустой матрас. Серые носки разношенных войлочных тапок оказались напротив моего лица. От них пахло потом, половой тряпкой и затушенной сигаретой. Я лежала и вдыхала эту смесь, с каждой секундой все глубже погружаясь в животный ужас. Воспитательница с грохотом поставила на пол ведро – я притворилась мертвой, – присела на корточки и наклонилась ко мне.

– Будешь еще ссаться?

Я нервно мотнула головой: страх сотрясал сильнее, чем холод.

– Смотри у меня!

Я мелко закивала, все еще жмурясь.

– А ну, открыла глаза!

Я послушно подняла веки и посмотрела на ее красный, криво очерченный рот.

– Глядя в лицо скажи – будешь?

Я снова замотала головой.

– Ладно! Поживем – увидим.

Она распрямилась и стала застилать простыней кровать – поднимала по очереди то один угол матраса, то другой, засовывая под него серую, пропахшую хлоркой и покрытую застиранными пятнами простыню. Из потревоженного тюфяка летели пыль и крошечные стебельки сухой травы, но я все еще боялась шевелиться. Только закрыла глаза.

– И чтобы в последний раз! – пригрозила воспитательница.

Широкие вонючие тапки продолжали выплывать передо мной, как два диких зверя. Я боялась подавать хоть какие-то признаки жизни. И только один вопрос пульсировал в голове: «Можно мне встать?» Он дрожал на губах и почти превратился в немое «мммм», но растаял, не успев появиться. Нельзя ни о чем спрашивать. За вопрос накажут, побьют. Надо молчать. Терпеть. Замереть. Иначе будет хуже. Намного хуже...

– Все! – Воспитательница распрямилась и в раздражении пнула ведро, которое принесла с собой. – Чтобы тихо тут! Бесссстолочи. В ведре змея. Если кто заревет, она вылезет и укусит.

Женщина подошла к двери, на пороге обернулась, одарив группу суровым взглядом, и выключила свет. Комната погрузилась во мрак. Стихли в глубине коридора пугающие шаги, и

тишина стала оглушительной. Дети вытянулись в струну. Перестали скрипеть железные сетки, замерло даже дыхание. Тридцать испуганных пар глаз смотрели в ведро.

Младенцы ничего не понимают. Воспитатели, сколько я себя помнила, всегда пугали змеями, чтобы дети боялись плакать. Ничего в этом ведре нет! Я повернула голову и, чтобы убедиться, заглянула внутрь. С края, как обычно, свисала скрученная жгутом половая тряпка. До меня доносился ее тошнотворный запах. В крошечной тьме она казалась расплывчатой, словно потеряла свои контуры. Я чуть прикрыла веки – почувствовала тяжесть в голове, предвестник болезни, и вдруг тряпка ожила. Из ведра стало выползать длинное узкое тело. Змея приподняла уставшую голову и задумчиво посмотрела на меня из-под гладких полуприкрытых век. В ее глубоких с прожилками глазах скрывалось нечто невиданное. Узкая черная щель блесла посередине, словно вход в другой мир, а вокруг переплетались желтые ветви странных растений, устремленных в зеленую бездну. Я пристально смотрела в ее удивительные глаза. «Шшшшш, – сказала она, – не шшшшшшали». И я мысленно кивнула. Она меня поняла, в знак этого с достоинством прикрыла веки. «Сссссюда, – снова зашелестела змея, – сссссюда ссссвою рукуууу». Желание прикоснуться к ее чешуйчатой голове, сияющей малахитовым светом, было таким острым, что меня обдало жаром. «Быссстреее, быссстреее», – торопила змея. «Я исчезну?» – догадалась я. «Дааааа». – Она как будто улыбнулась и тут же стала невидимой. Я не хотела, чтобы и она пропала, я хотела ее удержать – резко выбросила вперед руку, схватила тряпку, и пустое ведро с адским грохотом покатилося по спальне.

– Аааааа! – раздался животный, раздирающий душу крик.

– Ууууу! – подхватил его волчий вой.

– Уээээээ, – отозвалось слабое эхо.

Страх клокотал в младенческих глотках. Дети вскочили на ноги и, держась за прутья кроватей, в ужасе шарили глазами по полу, искали змею, которая в их воображении ползала по рядам, выбирая, кого ужалить первым.

Я аккуратно, чтобы не поцарапаться, вылезла из-под кровати, схватила укатившееся ведро, сунула в него тряпку и приложила палец к губам. Но они не увидели – они кричали. Я стала ходить по рядам, просовывая руку в кровать то к одному, то к другому. Гладила по ногам, пыталась успокоить. Крик нарастал – пронзительный и отчаянный. Я знала, чем все это кончится, они тоже знали. И от этого становилось еще страшнее, было невозможно остановиться... И тут распахнулась дверь. Сноп света вбросил в спальню чудовище – огромную черную тень с уродливым, покрытым бородавками лицом.

Я завизжала. Упала на пол и закатилась под свою кровать, разодрав до крови плечо.

– Съем, паршивцы, – прошамкал знакомый старушечий голос, – самого жирного съем!

Сложенная вдвое скакалка издала угрожающий свист и загуляла над кроватками, срубая высунувшихся «паршивцев». Дети падали на матрасы и накрывали головы руками. Рыдания переросли в истерику, крошечные плечики тряслись. О змее все забыли. Баба-яга была настоящей, живой – она кричала и била. Она утаскивала к себе, чтобы съесть. Сколько раз уже было такое: мы просыпались утром и видели рядом пустую кровать.

– Спааааать, бесссстолочи! – Ярость клокотала в старушечьем горле.

Мгновение, и голова бабы-яги отделилась от тела. Дети в ужасе завизжали. А голова легла на подоконник, точно между двумя подвернутыми шторами, и высовывалась теперь из них словно из зловещего театрального занавеса. Голые ветки деревьев хлестали по стеклу за ее затылком – голова дышала, двигалась и не сводила с детей глаз.

– Буду следить, – прохрипела старуха, – кто не уснет, тому смерть!

Тело под черным покрывалом метнулось к выходу и растворилось за дверью.

Дети плакали. Я плакала. Задыхалась и захлебывалась в истерике. Я всегда знала, что когда-нибудь баба-яга меня съест: этой ночью или следующей. Но когда-нибудь точно. Она же

съела мою Аню. И многих других. Слезы выжигали на щеках дорожки, я закрыла ладонями лицо и лежала так, пока не обессилела и не провалилась в глубокую бездну.

Очнулась, когда дети, устав от слез, уже спали, а огромную комнату, уставленную железными клетками-кроватками, освещала луна. Ведро с тряпкой стояло на прежнем месте. Голова бабы-яги скалилась с подоконника. Страшные глаза мертво смотрели мимо меня, куда-то в потолок. Значит, не видит. Можно. Осторожно, чтобы не расцарапать грудь и живот, я выбралась из-под кровати, ловко, как обезьянка, ухватила за ее железные прутья и перебралась через ограду. Из-за дрожи, которая колотила тело от макушки до пят, не сразу смогла попасть головой в ворот пижамной фуфайки. Тощие ноги в брючины штанишек тоже воткнулись с трудом. Наконец справилась. Забралась под одеяло с головой и съежилась в позе зародыша. Я привыкла так спать – уже несколько лет не помещалась в маленькой кровати.

Я и сегодня, спустя многие годы, могу уснуть только так: подтянув колени к подбородку и сжавшись в комок. Непроизвольно всякий раз принимаю эту позу, словно защищаюсь от внешнего мира.

Дыша открытым ртом, я стала медленно оттаивать в уютном пространстве. Через пару минут дрожь отступила. Тело расслабилось во сне, и горячие струи, расчерчивая дорожками ноги, растеклись по простыням. Наконец-то стало по-настоящему тепло. Еще мгновение – и влажный кокон обхватил и согрел, словно вернув в утробу матери. Я погрузилась в сон.

Глава 2

Туалет

– Все встаааали!

Я вздрогнула и открыла глаза. Орут – значит, утро. С потолка в кроватку прыгнул солнечный зайчик. Заметался по одеялу и замер там, где... Холодный пот прошиб меня насквозь. Нееет. Я должна была проснуться до рассвета! Мне нужно было прокрасться в туалет, пока все воспитатели спят, прополоскать простыню, пижамные штаны, просушить их на батарее, а потом снова голой лечь на пол. Я наказана, мне не разрешали спать в теплой постели!

– Тааааак, – она возникла словно из воздуха: толстые ноги, тяжелый зад, обесцвеченные короткие волосы, – что ты тут делаешь?!

Я зажмурила глаза, стиснула губы.

– Ах ты, дрянь!

Ночная воспитательница грозовой тучей нависла надо мной и стремительно откинула край одеяла. Стыд и страх затопили меня – не вынырнуть. Я зарыдала. Горько, безнадежно. Мне стало так стыдно, что хотелось исчезнуть и никогда больше не быть. Я с младенчества знала, что писать в кровать нельзя. Я плохая, плохая!

– Еще и снова обоссалась?! – Губы скривились в злой гримасе.

Тяжелая рука взметнулась вверх и опустилась распластанной пятерней на мое бедро, натянутое в пижаму. Больно не было. Только страшно. Как я могла проспать?! Я плохая, плохая! Я заслужила побои. Слезы накатили с новой силой, залили щеки и подбородок, вызывая новый прилив ярости у женщины. Ее рука взлетала и опускалась, взлетала и опускалась...

– Смену невозможно с этими гадами сдать, – лицо ее покраснелось, щеки покрылись нервными пятнами, – сволочи! То ссут, то срут, то орут ночи напролет!

Почувствовав две железные пятерни у себя под мышками, я внезапно взлетела вверх. Голые ступни больно ударились о холодный пол, я едва успела ухватиться рукой за прутья кроватки, чтобы не упасть. Через мгновение на меня обрушилась скомканная мокрая простыня, следом – пододеяльник. Белье не удержалось на голове, сползло под ноги.

– Руки у тебя есть?! – Воспитательница с силой тряхнула меня за плечи. – Раз-два, взяли! Пошла!

Торопливо собрав с пола охапку, которая не умещалась в руках, я пошлепала по холодному коридору. Хвост простыни волочился следом.

– Бесссстолочь! – Воспитательница подобрала с пола край белья и заткнула его мне за шиворот.

Я толкнула тяжелую дверь в туалет, она со скрипом открылась. Кафельный пол за ночь превратился в каток, я чувствовала, как скользят голые ступни по тонкой корочке льда. Горло и без того уже болело, а теперь в него словно вонзались острые иглы.

Санузел был огромным. По полу тянулся ряд железных горшков, покрашенных бледно-желтой краской. Вдоль стены стояло несколько ванн. В них нас мыли – сажали сразу штук по пять. Окно, покрашенное белой краской, было открыто.

Не с первого раза, но мне удалось перекинуть белье через край ванны и дотянуться до крана – только до холодного, горячий был дальше. Руки онемели под ледяной водой, на белом запястье отчетливее проступили красные родимые пятна. Но я продолжала полоскать – надо было торопиться: скоро приведут всю группу и рассадят по горшкам. Если не успею, снова достанется! Я неумело гладила ладошками жесткую холодную ткань, пытаюсь отмыть постыдные следы.

Мелкая дробь шагов слышалась в конце коридора. Я словно увидела их – маленькие ножки в одинаковых сандаликах, в ряд по четыре, и конвой из двух толстенных, как тумбы, ног в войлочных тапках. Шррррр. Клок-клок-клок-клок. Шррррр. Клок-клок-клок-клок. Первая пара, вторая, третья, ближе и ближе... Я не успела! Жалобно скрипнула и грохнула о стену дверь.

– Тааак, – воспитательница с трудом дождалась, пока печальная вереница войдет, – сняли штаныыыы!

Дети принялись послушно спускать колготы – вечно растянутые и собирающиеся морщинами, они тут же падали на пол. Тощие коленки на глазах становились синими от холода. Малыши морщились, медленно опускаясь на ледяные круги горшков, но молчали. Наказание пугало больше, чем холод. Воспитательница, наконец, закрыла окно.

– Все селииии! – Она посмотрела на меня. – Тебя не касается?!

Я засуетилась, пытаюсь закрыть кран. Не получилось. Воспитательница раздраженно пихнула в мою сторону ближайший горшок. Он со скрежетом пролетел по кафелю и больно ударился в ноги.

– Ааа! – Слезы хлынули из глаз.

– Заткнись!

Не выдержав, воспитательница сдернула с меня пижамные штаны, швырнула их в ванну к постельному белью. Стянула и бросила следом кофту. Я снова, одна из всех, оказалась голой.

– Селаааа, бесстолочь! – рявкнула она.

Железный круг обжег ягодицы. Слезы текли по щекам, легко находя привычную борозду.

– Таааак!

Она убедилась, что все наконец сидят, и поморщилась, брезгливо скривив рот.

– Кому жопу вытирать?

Робко поднялась первая тонкая рука. Белая, почти прозрачная. Потом вторая. Темная, с желтым отливом. Воспитательница, тяжело вздыхая и кляня полусшепотом судьбу – « всю жизнь говно разгребать», – начала работать туалетной бумагой. Первый пошел. Третий, четвертый, пятый, пятнадцатый, двадцать пятый. Двадцать восьмой.

– Тебе особое приглашение нужно?!

Я снова чувствовала себя виноватой. Малыши послушно сделали то, чего от них хотели. Почему же я не могу быть нормальным ребенком?! Рот уже начал кривиться, глаза снова были на мокром месте.

– Всееее! – Я почувствовала железную хватку на плече и тут же взлетела с горшка. – Ты меня достала, засыха!

Крутой поворот, на мгновение снова в воздух, и я оказалась в ванне. Холодная вода из душа стегнула по коленям и животу. Коричневый кусок хозяйственного мыла стал елозить по телу, царапая разошедшимися краями и оставляя за собой светло-коричневые полосы. Он с силой впечатывался в кожу, тер до красноты. Руки, плечи, живот. Между ног защипало, но мыло двигалось дальше, его было не остановить. Постепенно все тело стало располосованным и покрылось плотной пеной.

– Будешь еще ссаться в кровати?! Будешь?!

Я отчаянно мотала головой. Я не хотела так поступать, но снова и снова не слушалась. Потому что плохая... Воспитательница закончила, наконец, мылить меня и с удивлением – как будто успела забыть об остальных – обернулась к молчаливому отряду, робко топтавшемуся возле полных горшков.

– Эти тут еще, паршивцы! – В ее глазах промелькнуло отчаяние. – А ну, руки мыть!

Дети стали толпиться возле умывальников, торопливо ополаскивая ладошки. Воспитательница бросила мыло на дно ванны и стряхнула ладони, с которых на меня и на стену полетели клочья пены. Вымыла руки, выключила воду и направилась к выходу из туалета.

– Поссстроились!

Дважды повторять не пришлось. Маленькие солдатики, взявшись за руки, уже вытянулись перед дверью. Следующим пунктом в расписании была столовая. А я осталась в ванной одна. Холод сковал все тело, но скоро я перестала это ощущать, уставившись на мыльные пузыри. Они тихонько лопались на коже, превращаясь в бледно-коричневые струйки и стекая вниз. Это было красиво. В каждом крошечном полукруге отражалось утреннее солнце, и мне казалось, что под его куполом поселился целый город. Микроскопические люди жили там своей жизнью, вставали по утрам, умывались. А потом вдруг – бах! – и ничего, только маленькая капля воды, которая начинала искать другую, подобную себе. И, подхватив ее, став больше, искала третью. Вместе они отправлялись на поиски четвертой. Дальше встречали пятую, соединялись с новыми и новыми каплями, бежали вместе. Куда они так спешили? К чему стремились? Никуда. Ни к чему. Они собирались вместе, обходили препятствия – крошечные волоски, чертили замысловатые полосы на животе, сползали по ногам и, добравшись до дна ванной, пропадали в сливе канализации.

Когда я выросла, то, вспоминая те наказания в ванной, стала думать, что капли напоминали нас, сирот. Они ничего не значили. У них не было собственных имен и своей судьбы. И у нас, детей, тоже этого не было. Нас звали «Всееее-встаааа-ли» и «Всееее-выыыыышли». А еще «Идите-сюда». И мы – много-много детей – существовали в доме ребенка как единое целое. Как стадо овец. Даже не так – как одна большая овца под общим названием «бесссстолочи». «Все-оделись», «Все-доели», «Все-встали», «Все-сели». Нас звали так...

– Эй, ты чего тут делаешь?!

Я повернулась к двери и открыла рот, но тут же снова захлопнула его: не решилась ответить.

– Ночная тебя тут оставила? – Дневная воспитательница, которая заступила на смену перед завтраком, обвела взглядом полные горшки, и лицо ее вытянулось. Щеки покраснели от злости.

Я понимала, что злится она не из-за меня, забытой в мыле. Злится из-за горшков, которые «передали по смене».

– Я ей устрою, – она нагнулась за первым, морща нос, и сразу подхватила второй, – сколько лет одно и то же. Вот сволочь!

Я продолжала стоять в ванной, уже продрогшая и никому не нужная. Тонкие струйки все так же ползли по коже вниз, но это были уже не отряды погибших пузырьков – просто коричневая вода. Горло пронзали миллионы иголок, зубы начали перестукиваться, тело бил озноб. Я обрадовалась – заболела! Плохие непослушные дети болеют всегда. Уж мне-то это было известно.

Глава 3

Зима

Не знаю, сколько времени провела в изоляторе, но в группу вернулась вместе со снегом. Снежинки повисли на тонких нитках на потолке спальни – воспитательницы вырезали их ножницами из бумаги. На улице тоже шел снег. Валил огромными хлопьями, покрывая площадку и крыши беседок.

Пока никому до меня не было дела – воспитатели увели куда-то детей, – я залезла на подоконник в спальне и припала лбом к холодному стеклу. В пустом дворе хозяйничал снегопад. Прибирался на свой вкус, заваливая белой ватой все, что было не по душе. Сугробы росли над пустыми клумбами, над сломанными каруселями. Даже над мусорными баками возвышались огромные шапки. В воздухе плясали хороводы крошечных балерин, от которых я не могла оторвать глаз.

– Все одеелось!

Окрик заставил вздрогнуть. Испуганным зверьком я скатилась с подоконника (увидят, куда залезла, накажут) и влетела в раздевалку. Там уже копошились дети. Красные комбинезоны. Белые валенки. Только у двух девочек в группе одежда отличалась от остальных – у меня и у Ани. Мы обе оказались на голову выше малышей. Остальных на зимней прогулке было друг от друга не отличить.

– Явилась, – безразлично отметила темноволосая дневная воспитательница с печальными глазами оленя.

Не зная, нужно ли что-то говорить – накажут, если промолчу или если отвечу? – я замерла с полуоткрытым ртом, глядя в крепкую спину и узкий зад, обтянутый белым халатом. Длинные каштановые волосы воспитательницы выбились из прически и разметались по плечам. Значит, утро не задалось и жди беды.

– Когда уже переведут? Надоела, – процедила она сквозь зубы, разговаривая то ли сама с собой, то ли с уборщицей, которая копошилась в углу.

– А чо, – откликнулась та, – из изолятора к нам опять?

– Как видишь.

Жалобно охнув, воспитательница опустила на низкую скамеечку и, притянув к себе правой рукой первого попавшегося ребенка – тот едва успел вскинуть вверх подбородок, – резким движением застегнула «молнию» на его комбинезоне. Вжжжжжж. Готово. Отодвинула его одной левой, а правой за рукав подтащила второго. Встал. Подбородок в потолок. Вжжжжжж. Следующий. Встал. Подбородок в потолок. Вжжжжжжжжжжжж. Следующий. Работа двигалась привычным конвейером. Вжик. Вжик. Вжик.

– Чой-то я никак не пойму, – уборщица застыла в задумчивости над полным мусорным ведром, – сколько ей лет?

– Пять исполнилось в изоляторе, – я замерла и превратилась в слух, – дылда.

Женщина присвистнула.

– Где же такое видано?!

– А я тебе о чем говорю, – воспитательница со скрипом поднялась со скамейки: детский конвейер наконец закончился, – в три уже духу быть не должно. Еще вторую дылду сегодня вернут!

Она в отчаянии махнула рукой. А у меня сердце забилося от радости – значит, мою Аню не съела баба-яга? Ее вернут? Внутри все закружилось, запрыгало.

– А чего ее держат-то?

– Говорят, документов нет отказных. Мать надо найти.

– Ха, – уборщица вытряхнула мусор из корзины в гигантский черный пакет, – ищи-свищи ветра в поле.

Радость оттого, что я скоро увижу Аню, сменилась привычной грустью. «Пять исполнилось в изоляторе», «мать надо найти», – я повторяла про себя фразы как магическое заклинание, не понимая их смысла.

Только через много лет я узнала, что мать бросила меня в роддоме и ушла, не написав официального отказа. Вместо него она оставила врачам записку, в которой обещала забрать меня домой через три месяца. Сегодня я понимаю, что из-за этого документа и застряла в доме малютки – меня не могли оформить как сироту или ребенка, оставшегося без попечения родителей, не могли перевести в детский дом. Хотя всех, кому исполнялось три годика, отправляли туда. Социальные службы должны были сначала отыскать мою мать и получить от нее письменный отказ от ребенка, а потом инициировать лишение родительских прав. Тогда у меня появился бы статус сироты. Но мне уже исполнилось пять лет, а мою мать так и не нашли. Я жила в подвешенном состоянии – «родительский» ребенок, оставленный на попечении государства.

Пока мы стадом спускались по лестнице, пока выходили во двор, услышанное сжалось в два слова – «пять» и «мать». Что это значит? Не знаю. Всем три, мне пять. Непонятно. Я дылда. Хоть это слово много раз слышала – дылды мы с Аней. А мать? Что значит «мать»? Странные незнакомые звуки, которые притягивают, словно магнит.

Дверь, ведущая на улицу, открылась. Толчок, рывок, сосед споткнулся, сжал руку, сзади клюнули головой в спину, сбоку – в плечо. Мы оказались на дорожке перед детской площадкой. Свежий морозный воздух залетел в ноздри, и голова закружилась от его чистоты. После запахов изолятора – хлорки и остро пахнущих лекарств – тонкий аромат снега казался сказкой. Я незаметно вытянула перед собой ладонь, и на варежку доверчиво опустились снежинки. Хотелось рассмотреть их – переливающихся разноцветными блестками, с лучами невероятной красоты, – но в спину грубо толкнули, и снежинки рассыпались. Мы пошли в глубь двора. Воспитательница оставила нас на веранде, строго приказав не сходить с места, и направилась к заведующей, которая зачем-то вышла во двор. Свобода!

Дети толпились посередине веранды на детской площадке и жались друг к другу. А я присела на корточки у края и стала разглядывать снежинки. Их красота притягивала, казалась волшебством. У каждой снежинки был свой узор. Как это получается? Кто сидит там наверху и вырезает крошечными ножницами это великолепие из тонкого-претонкого льда? В ответ на свой вопрос я словно увидела маленьких-премаленьких человечков на облаке. И как они попадают туда?

– Всеее построоились!

Крик воспитательницы взрезал морозный воздух. А я даже не успела представить себе, как живут эти маленькие небесные существа, которые делают снежинки. Как они сбрасывают их вниз, чтобы прикрыть голую землю, и кусты, и мусор. Просто сидела и смотрела, не в силах оторваться от красоты.

– Комууу я сказаала?!

Я вскочила, встала в строй вместе с детьми, и мы потопали назад, в раздевалку. В нежный морозный аромат из открытой двери врывался привычный запах щей из кислой капусты. Мы возвращались в свое беличье колесо.

– Все раздеелись! Все помыли рууууки! Все за стооол! Все на горшооок! Все спаааать!

Глава 4

Спонсоры

В спальне на кроватях лежит одежда «для спонсоров». Два разноцветных вороха – одинаковые нарядные платья для девочек и одинаковые шортики-рубашечки для мальчиков. Я огляделась в поисках ненавистных бантов. Может, хотя бы про них забыли? Из-за этих оранжевых и красных орудий пыток я ненавидела спонсоров больше всего. А еще за то, что они приходили по праздникам и глазели на нас. Трогали, шупали, пускали слезу, а потом возвращались в свой непонятный мир, куда нам не было доступа.

Нет. Зря я радовалась. Банты принесли следом. Меня выловили первой – поставили перед стулом, на котором сидела воспитательница, и стали драть волосы пластмассовой расческой. Хррррр! Хррррр! За что?!

Прически у мальчиков и девочек были одинаковыми. Чем мы отличаемся друг от друга, кроме названия, непонятно. Просто есть дети в шортиках, а есть дети в платьицах. Только в платьицах страдали больше. Воспитательница твердой рукой сгребла мои короткие волосенки в пучок на макушке и прицепила к ним ненавистный бант, натянув кожу на голове так, что глаза подползли к ушам. Привычно отодвинула меня в сторону, не обращая внимания на скривившийся рот, и притянула к себе следующую жертву. Хрррррр! Хрррррр! Металась расческа. Цеплялся бант. Следующая. Хрррррр! Хрррррр! Готово! Скоро все дети в платьицах выросли на вторую голову, красную или оранжевую, которая мерно покачивалась на макушке. Больно – глаза к ушам – было всем. Но сдирать банты никто не пытался: мы уже знали о последствиях.

Нас ведут в групповую.

Столы, за которыми мы обычно едим, сейчас куда-то вынесли. Ёлка! Увидев ее, мы начинаем толкаться – бесссссстолочи – и никак не поймем, чего же от нас хотят... Наконец, накинувшись всем коллективом, воспитатели вручную собирают всех в кучку – как бы чего не вышло. Я, как обычно, наблюдаю за их лицами. Вот они выравнивают нас – мальчик-девочка, затылок в затылок, висок в висок. Губы сжаты в тонкую нить, придирчивый взгляд. Вот одна из них распахивает двери в групповую, и на лица остальных, словно по команде, слетают улыбки. Глаза остаются неподвижными, как точка отсчета, а рты старательно тянутся в спортивной зарядке – раз, два, три, четыре, сели-встали, губы шире. К нам вваливаются чужие взрослые. Спонсоры. Самая неугомонная воспитательница из соседней группы, вечная тамада, выходит в центр зала.

– Здрааавствуйте, гости дорогие!

Она зачем-то кланяется, спонсоры глупо улыбаются и кивают в ответ.

– Скоро праздник, Новый год! Добрых дел водоворот...

И тут вижу, как открывается дверь и из-за спин взрослых в зал вталкивают ЕЕ! Такую же «дылду», как я, точно в таком же платье и с таким же огромным рыжим бантом! Сердце радостно бьется в груди, стучит так, что, кажется, все это слышат. Тук-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук! Руки, ноги и даже голова у Ани на месте! Только лицо, как обычно, заклеено пластырем и почти не видно глаз – одни узкие щелки. Опухшие веки, щеки, подбородок. Я знаю, что в детстве Аня не слушалась воспитателей и за это ее украла баба-яга, искусила ей все лицо. Она сама виновата – плохо себя вела. И теперь Аню лечат врачи. Уже много лет.

При мыслях о бабе-яге мне становится страшно, я начинаю постукивать зубами, глядя на единственную подругу. Ничего не могу с собой поделать.

– Ооо, – ведущая нервно дергается, делая непонятные знаки в сторону двери, – вот и Анечку из больницы привезли. После операции.

Она как будто оправдывается, но это не помогает. По толпе спонсоров, они жмутся друг к другу – плечи к ушам, пролетает испуганный вздох. В нем ужас и жалость. И я чувствую эти вздохи, как будто они живые, вижу своими глазами серых мохнатых тварей, которые вываливаются из ртов взрослых вместе с этим отвратительным «ооооо» и разбегаются по углам. Они хуже крыс. Намного хуже! Я злюсь на глупых взрослых. Аня красавица, она, как и я, – такое же платье, такой же бант! Что им не нравится? Аню подхватывают под локоть и запихивают куда подальше, ко мне под бок. Тут ее не будет видно. Она врывается в меня всем телом и прерывисто дышит мне в ухо. Я довольна – мы снова рядом. Осторожно завожу руку за спину, чтобы не видно, и Аня благодарно вцепляется в мои пальцы. Воспитательницы, наконец, прекращают суесться и встают у нас за спинами.

Первый толчок в затылок без банта, и малыш выходит на середину зала. Светленький, ладный. Шаркает черными чешками – шррррр, шррррр – и прячет глаза.

– Мыыы начинааааем! – продолжает ведущая. – Перед вами выступят воспитанники старшей группы!

Она театрально выбрасывает руку в сторону ребенка, словно представляет всемирно известного акробата – как в цирковом выступлении по телевизору – и словно опытный конферансье отходит в сторону. Малыш мнется с ноги на ногу, тербит влажными ладошками серые шортики. Он вот-вот заплачет, ему страшно стоять перед этими взрослыми, которые смотрят на него, как на диковинную зверушку. «Какой красивый, – доносится из кучки спонсоров, – как же так?!»

– Ну, что ты стоишь? – улыбается ртом и сверкает злыми глазами воспитательница. – Давай!

Ребенок вздрагивает всем телом и начинает тревожный лепет:

– Ёака сикаааает...

– Дааа, – кивает воспитательница и шепчет ему, – шарики...

– Шаикии бетяят, ааадуютя дееети и...

– И «ура»! – подсказывает она.

– И «уааа» китяят.

– Молодец! – Все хлопают в ладоши, конферансье сияет. – Ууу-ти, наша гордость!

Трехлетние дети выходят в центр зала один за другим, воспитатели за спинами обеспечивают правильный порядок тычками. Малыши лопочут что-то невнятное – учили ведь, бесссс-столочи, учили! – только потому, что боятся наказаний. Я тоже хочу быть хорошей, хочу делать все правильно, но не знаю стихов. Ни одного. Я болела. Стою обливаюсь холодным потом – вдруг вытолкают и меня тоже вперед, и что тогда?! Меня накажут. Я плохая. Плохая! Мы с Аней две нелепые белые вороны – изоляторная и больничная – каждая о двух головах, стоим и молча потеем от страха. Уффффф. Конец. Нас не тронули.

– А тепееерь, – из толпы спонсоров выходит вперед великан: глаза навывкате, рыжая борода, – с нас детишкам подарки! Сегодня я ваш Дед Мороз!

Он хохочет так, что в окнах позвякивают стекла. Страшно. А воспитательницы проворно тыкают в наши спины – работают в восемь рук, – и мы, спотыкаясь, делаем по шагу вперед. Взрослые оживляются, дети напуганы. Я хочу, чтобы все взрослые скорее отсюда ушли, – хватит, хватит! Мне нужно забиться в угол и избавиться наконец от резких запахов, гула и чужих радаров-глаз. Но нас выстраивают в одну линию и каждому вручают подарок – в одну руку новогоднюю картонку с конфетами, в другую – киндер-сюрприз. Я знаю, что сейчас нужно улыбаться, поэтому так и делаю. Киваю женщине, руки которой вкладывают в мои ладони дары. Шепчу беззвучно, одними губами: «Спасибо». И вдруг ее мягкие тонкие пальцы нежно касаются моей правой руки, покрытой красными пятнами. Мне становится стыдно. Ее прикосновение обжигает – оно не для меня, я его украла и не заслужила ни подарков, ни доброты. Я плохая! Вижу в глазах женщины слезы – она смотрит мне прямо в глаза – и смущаюсь еще

больше. Почему она плачет? Но гостя ничего не объясняет, она уже отходит, чтобы взять из мешка новый подарок и передать его другому ребенку. Точно так же прикоснуться к нему.

– Нууууу, – гремит довольный великан, – теперь общая фотография на память!

Мы строимся под елкой. Дети впереди, взрослые за нами. Толкотня, давка. Шшшшш! Только бы не помять коробку с подарком и не сломать случайно киндер-сюрприз. Я знаю, как надо: встать ровно, посмотреть в камеру, улыбнуться, приподнять подарок, чтобы его было видно. Замереть на несколько секунд, пока взрослые фотографируют историю нашей счастливой жизни, и потом тихонечко ждать. Пока не разрешат разойтись. Краем глаза замечаю, что Аня делает так же, как я. Мое отражение. А вот два незадачливых малыша – попали к нам, когда деревья еще были зелеными, – торопливо разворачивают киндер-сюрпризы и заталкивают сразу по половинке в рот. Офффф! Все дети смотрят на них с ужасом. Я каменею.

Спонсоры, наконец, уходят, довольные собой, а нас выстраивают вдоль стены.

– Все показали подаарки! – чеканит тамада, убедившись, что за гостями закрылась дверь.

Я покорно протягиваю руки с сокровищами – с самого начала понимала, что их заберут. Забирали всегда. Любые подарки исчезали, попав в руки воспитателям. Нам оставалось только гадать, какими они были на вкус. На вид мне больше всего нравились киндеры и тик-таки, нам их часто дарили. Киндер издавал глухой, загадочный звук, а тик-так – звонкий, веселый. Наученная горьким опытом, я обращалась с ними как с драгоценностью. Если что-то сломать, разбить, потерять или – того хуже – съесть при гостях, потом будет очень и очень больно.

Киндеры перестукиваются, пока воспитательницы ходят по рядам и собирают дары. Это все для хороших детей. А мы – плохие.

– Таааак, – одна из них заметила две перемазанные шоколадом мордашки, – выыыышли впереееед!

Малыши – брат и сестра – испуганно жмутся друг к другу. Их выводят на середину.

– Это не для отбросов, – глаза воспитательницы наливаются кровью, – а для нормальных детей! У которых матери пашут с утра до ночи и сраной конфеты на свою нищенскую зарплату не могут купить!

Наша воспитательница – темные длинные волосы уже собраны в хвост – услужливо подает скакалку. Резиновый шнур со свистом разрезает воздух и опускается на голые икры малышей. Они режут от боли, мы жмуримся и дрожим. Скакалка взлетает «буууууу» и врежется в кожу – «дыш!». Так и учит уму-разуму: «Буууу-дешь?», «Бууууу-дешь?», «Буууу-дешь?» Я чувствую, как Аня до боли сжимает мою ладонь.

– Останетесь без полдника и без ужина, – тамада, наконец, останавливает полет шнура и вталкивает режущих крох на место, в наш ряд, – бессстолочи!

Праздник окончен.

В тот день нас, как обычно, привели из групповой обратно в спальню – снимать нарядные платья и парадные банты. Мы переоделись в обычную одежду. Только нарушителей заставили надеть пижамы и лечь в кровати: их день закончился. Воспитательница построила нас парами – Аня снова протиснулась поближе ко мне и встала рядом так, чтобы я ее чувствовала.

– Полдник накрыт! – В проем двери втиснулись толстые довольные щеки.

– Ты зачем вторую дылду притащила в зал? – Воспитательница посмотрела на женщину с оленьими глазами. – Людей пугать?!

Я почувствовала, как Аня вздрогнула и вытянулась в струну.

– Я не знала, – смущенно проговорили щеки. – Думала, надо всех...

– Думать надо головой, а не жопой!

И мы пошли.

Глава 5

Новый год

С самого утра взрослые вели себя странно. Что-то загадочное порхало с пола на потолок, словно к нам влетела нарядная птица в разноцветных перьях. Будто сами воспитательницы превратились в пернатых из телевизора. Яркие ткани. Острые каблуки. Кольца на пальцах и цепочки на шеях. Красные губы.

В обычные дни никто из нас, детей, не отличал в бесконечной веренице женщин одну от другой. Застиранные халаты, серые лица, злые глаза. Воспитательницы, няньки, уборщицы, поварихи, прачки, медсестры, врачи. Их было слишком много. Они постоянно менялись, исчезали и появлялись снова. Я никого не могла запомнить – отличала только одну нашу воспитательницу с тяжеловесным задом и коротким белым ежиком на голове от другой – темноволосяй с оленьими глазами. Женщины ходили в одинаково бесцветной одежде и были все на одно лицо. И только их руки в моменты опасности становились разными: одни превращались в ремень, другие в скакалку, третьи – в широкий тапок.

Но в тот день что-то произошло. Каждая выглядела как диковинное существо в нарядном платье, непохожем на одежду других. Я не могла оторвать глаз от переливов тканей – они мерцали синими блестками, красными всполохами, переливались змеиной чешуей, блестели леопардовой шкурой. Казалось, даже бледно-зеленые безжизненные стены нашего дома ребенка откликнулись на буйство красок и стали вдруг отражать цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.